

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Мария Галина

ВСЕ ИМЕНА ПТИЦ
ХРОНИКИ НЕИЗВЕСТНЫХ ВРЕМЕН

Издательство «Азбука»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Г 15

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-15499-5

© М. С. Галина, 2018
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

О романе «Малая Глуша»

Это умная, взрослая, философская фантастика, художественный эффект которой состоит не в том, чтобы ошарашить невиданным сюжетом, а дать почувствовать многослойность события, многовариантность сюжета, его возраст в культуре, степень обкатанности — и неисчерпаемость. И понятно, почему действие опрокинуто в прошлое, — потому что «советская жизнь» мифологизирована сейчас настолько, что, по сути, это тоже уже мифологическое пространство, переставшее быть реальным, фактически уже дистопия: слишком много посторонних смыслов было приписано этому времени задним числом. Поэтому, в общем, никаким шаманам, вендиго и песьеголовцам уже и не удивляешься — как говорил Пачкуля Пестренький, удивительно было бы, если бы их не было.

*Лев Данилкин
(Африка)*

Галина блистательно творит самобытный мир, населенный живыми, смешными и почти узнаваемыми героями. Почти — потому что уже много воды утекло с 1979 года (время действия романа), когда модные девушки добавляли в лак для ногтей зеленую пасту от авторучек — именно так поступает Розка, новая машинистка-переводчица из СЭС-2. «Ужас!» — вполне искренне комментирует ситуацию ее закаленный в боях с нечистью коллега Василий.

Сотрудники СЭС-2 — люди по-советски скромные. Они берут в руки бубен и колотушку лишь по долгу службы. Они почти не боятся нечисти, прицепившейся к танкерам и сухогрузам, и с большим или меньшим успехом ее изгоняют, храня в сердце веру в марксистско-ленинскую философию. Вот гнев высокого начальства, подковерная борьба да узкие места советской двойной морали — совсем другое дело, это действительно страшно...

Частный корреспондент

Поэт, литератор, большая умница и здоровый циник Мария Галина творит странные истории на стыке излюбленного отечественной интеллигенцией жанра философской фантастики и женского извода магического реализма а-ля Людмила Петрушевская. Из двух повестей, составляющих книгу и ощущаемо перекликающихся, можно извлечь и триллер, и сказку, и социальную аллегорию. Галина очень тонко комбинирует жанровые конструкции с популяризаторской миссией, фантазию с философией, цинизм с пронзительной ностальгией. Неизбежно возникающая на подобном поле аналогия с иконоподобными братьями Стругацкими ничуть не вредит; материал тот же, но подан он по-другому. Не исключено, что большую роль здесь играет дистанция: Галина мифологизирует не возможное будущее, но недавнее, хоть от этого не менее невозвратное прошлое. Не полдень, но поздняя осень, XX век. Ветер пронизывает до костей, на волю вырываются существа, заставляющие людей мчаться в темноту, а реальность — рассыпаться на составные элементы.

*Наталья Курчатова
(Эксперт)*

Вообще, все по-настоящему страшное в романе связано не с мистикой, а с самыми повседневными реалиями советского быта. Вчерашней выпускнице школы, золотой медалистке, чтобы поступить на вожделенное востоковедение, приходится пять лет «оттрубить в горячем цеху». По-кафкиански страшно, когда диссертант попадает в кабальную зависимость не только от своего руководителя, но и от всей околонучной бюрократической братии. Но еще страшнее вещи, которые не завясят от политического строя: старение, уход близких людей, одиночество.

Booknik.ru

Мария Галина не очерняет советскую действительность, она просто показывает без прикрас те ее стороны, о которых нынешние авторы, романтизирующие СССР, обычно забывают. Книга напоминает ранние тексты Пелевина: потустороннее, мистическое и повседневное, рутинное переплелись здесь так тесно, что уже не разберешь, где заканчивается одно и начинается другое. Граница между ними постепенно размывается — Галина показывает гибрид магического и реальных 1970-х с четкостью документалиста.

*Василий Владимировский
(Мир фантастики)*

Очевидно умение автора создать в тексте любую необходимую атмосферу, от вязкого страха до тревожного ожидания, и населить ее замечательными и запоминающимися персонажами. Будь Галина менее требовательна и более лояльна к читателю — носить ей титул русской «королевы ужасов», этакого Стивена Кинга в юбке. Дело даже не в атмосферности текста и красотах слога, что несомненно является отражением поэтической ипостаси автора. И не в интеллектуальном бэкграунде ее произведений — не зря на страницах упоминаются труды Леви-Стросса, несомненно повлиявшего на способность писателя оперировать мифологическим пространством и временем. Просто фокус страха в книге Галиной не сводится к существам сверхъестественным, а открыто обращается к тем ужасам, которые гнездятся внутри человека и подчас вырываются наружу в виде слов и поступков. Позиция жесткая и честная — таковы и тексты.

*Сергей Шикарев
(Если)*

Фантастическое допущение, даже не вторичное, а бог знает сколько раз обыгранное, восходит в отечественной традиции к стругацковскому «Понедельнику» и потому должно бы приниматься юмористически. Как же — бюрократические службы, занятые контролем за нечистью: протоколы, отчеты, «утвержденные методики» — смешно. Однако совсем не смешно почему-то. Персонажи порой нелепы, потому что они обычные люди. Но смеяться над ними грустно. «СЭС-2» — не «Ночной дозор», не «Охотники за привидениями», не сатира на нравы позднего советского застоя. Это повесть про отношения — и про судьбу. Про жизнь, которая редко бывает веселой.

За магию платят любовью. Нелюбящий неуязвим.

«Печальная фантастическая сага времен застоя» Марии Галиной — жесткая сказка, но не жестокая. Она говорит о добре, которое всегда слабее зла, которое обречено проигрывать. Но на сильную сторону вставать нельзя. Жизнь есть предприятие, изначально обреченное на конечный проигрыш, но он, этот проигрыш, может быть хотя бы достойным. Книга не развлекает, поупугивая, а берет за больное (за душу, если она у вас есть). В этом романе есть то, что отличает литературу от литературы: способность прояснять оптику житейского зрения, добираясь до самого нерва.

*Валерий Иванченко
(Книжная витрина)*

Это немного напоминает сказочную фантастику Стругацких про НИИ-ЧАВО, если бы ее писал, например, Стивен Кинг. Только в произведениях Кинга нет профсоюзных собраний, повышенных сообразительств, субботников и распределения дефицитных продуктов. Притом «Малая Глуша» — пожалуй, один из лучших образцов современной российской прозы. Язык книги до того выразительный, живописный, сдержанный и вместе с тем невероятно гибкий, плотный, насыщенный, сочный.

NewsLab.ru

О романе «Медведки»

Своя, «настоящая» жизнь, собственные родные тоскливы, как затяжной осенний дождь, и никого не устраивают. Оттого-то герои романа и бегут сломя голову — к хоббитам, к воображаемым семьям, в миф. Этой понятной морали было бы вполне довольно честному реалисту, но не Марии Галиной, всегда предпочитающей заглянуть в зазеркалье.

И «медведки» все-таки выползают — глухо бьющая под ногами хтоника разламывает повествование. Однако хаос в «Медведках» начинает оживать не сам по себе, «уснувшие бури» неосторожно будят люди. Роман Марии Галиной еще и об этом — о том, что любую реальность запросто можно заклясть, разговором, наговором, силой воображения, слишком отчаянной мечтой, и даже самая невинная интеллектуальная, литературная или психологическая игра может привести к непредсказуемым последствиям.

Не читайте «Медведок» в полнолуние.

*Майя Кучерская
(Ведомости)*

В «Медведках» сознание человека и мир, в котором он существует, анатомируются столь послойно и глубоко, что обнажается скелет существования — опять-таки миф, здесь понимаемый не только как тема или образная система, но прежде всего как определенный модус мышления, модус бытия.

Современная литература предлагает писателю многообразные способы работы с мифом. Исходная точка для Галиной — работа с жанрами.

Мария Галина владеет несколькими жанровыми «языками» и умеет переводить с одного на другой. Новый роман интересен, помимо прочего, тем, что в нем Галина (аки та медведка) докапывается до потаенного переплетения корней нескольких далеко разошедшихся жанров. Жанровая память подни-

мается на свет, как хтонический Ахилл из глубины вод. Бытовая проза превращается в *Bildungsroman*, а тот — в образец магического реализма.

Миф в «Медведках» — не только жанровый или тематический элемент. Сам способ организации текста точнее всего можно определить леви-строссовским термином «бриколаж». При создании мира — или модели мира — используются все возможные элементы, оказавшиеся под рукой: современная реальность, городские страшилки, классическая литература, миф. Они свободно перекомбинируются, так что любые два элемента могут оказаться связаны друг с другом, создав новую сущность, — а это еще одна основополагающая черта мифа в трактовке структурной антропологии. Так соединяются никогда не бывавшие подле Ахилл и гималайская Агарта: хтоническое и горнее.

*Татьяна Кохановская, Михаил Назаренко
(Волга)*

Приморское дачное житье в несезон, мучительные отношения между взрослым аутичным сыном и беспомощным отцом, правы коллекционеров антиквариата и встающий со дна моря Ктулху, уловки торговцев с блошиного рынка и змееногая богиня Геката, оживающие утопленники и серые сочинительские будни... В нашей сегодняшней прозе есть только один автор, способный эффективно работать с подобным набором сюжетных кубиков. И не просто работать, но собирать из них сложнейшие ажурные конструкции. Зовут этого автора Мария Галина.

Равно известная и как прозаик, и как поэт, одинаково ценимая и в рамках тесного фантастического мирка, и на просторах так называемой боллитры (то бишь большой литературы), Галина, по сути дела, пишет всегда об одном и том же. Все ее книжки — об изнанке зримого мира и о тех едва заметных трещинках, через которые иррациональное просачивается в привычную повседневность.

Ее нынешний роман подобен пятну Роршаха, и каждый вычитает из него что-то свое. Кто-то — историю про одиночество и безумие, кто-то — про хтонические силы, исподволь управляющие миром, кто-то — про тайный смысл кровных уз. Ну или, на худой конец, про оборотную, темную сторону писательского ремесла. Галиной эта тема, вероятно, должна быть особенно близка.

*Галина Юзефович
(Итоги)*

Марии Галиной всегда удавалось генерировать странные комбинации миров, не конфликтующих друг с другом, но находящихся в вежливо-симбиотических отношениях; новый роман тоже стопроцентно галинский. И не фантастика, и не реализм, и не комедия, и не трагедия... Читается хорошо, но идентификации не поддается. Немолодой, муракамиподобный, меланхоличный рассказчик занимается странным бизнесом: он оформляет фантазмы своих клиентов как (квази-)литературные произведения. Однажды к нему обращается необычный заказчик, требующий выдумать ему не просто альтернативную биографию, но семейную историю, семью вообще.

*Лев Данилкин
(Афиша)*

МАЛАЯ ГЛУША

ПЕЧАЛЬНАЯ
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ САГА
ВРЕМЕН ЗАСТОЯ

Роман

В начале времен пена была черного цвета. В начале времен не было ни еды, ни лекарств. В начале времен люди были с хвостами.

Мифы американских индейцев

Мы заявляли, что Венера не пройдет транзитом по Солнцу, и она не прошла.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Поначалу я думала, что пишу довольно легкомысленную историю о советской конторе, которая хотя и занимается странным делом, но в остальном ничем не отличается от сотен таких припортовых контор, где, как и везде, были рабочие конфликты, подсиживания, интриги и страх, что тебе влепят выговор с занесением в личное дело. Мрачные краски роман стал приобретать по ходу работы — оказалось, что ничего веселого про конец семидесятых — начало восьмидесятых я написать не могу. Я в описываемое время недалеко ушла от подросткового возраста, но память у меня цепкая.

Сейчас у нас СССР выставляется чем-то вроде потерянного рая. Тут срабатывает обычный механизм — те, у кого на это время пришлась молодость, естественным образом забывают плохое, а те, кто СССР не застал, знают его по фейковому советскому *pin-up style*, а там всегда солнце, и веселые мужики с грудастыми девками. Надо сказать, что на аутентичных советских плакатах тоже были веселые мужики и грудастые девки с крепкими ногами на фоне синего неба, но никакого *pin-up style* не было и в помине. Вообще, много чего не было, если честно. Поэтому, как ни странно, одной из задач сугубо фантастического текста стала попытка передать, как оно было на самом деле. Фантастика, как мне кажется, легче с этим справляется, чем реалистическая проза, поскольку она склонна к обобщениям. В любом случае, по моему глубокому убеждению, такой штуки, как реализм, нет — мы описываем не реальность, а ту ее модель, которая существует у нас в голове.

Тем более в описываемом времени был некий мрачный размах. Какой-то леденящий ветерок тянул из невидимых прорех,

ткань империи потихоньку истончалась, вдруг все поверили в летающие тарелки и палеоконтакт, лозоходство и прочие странные вещи... Потом были «Адмирал Нахимов» и Чернобыль, и там, и там имело место какое-то мистическое, чудовищное стечение обстоятельств, словно кто под руку толкал тех, от кого зависело, чтобы это случилось или не случилось. Поэтому одновременно с первой частью, где было все довольно узнаваемо, несмотря на вторжение сверхъестественного в естественный ход вещей, неожиданно для меня самой стала писаться вторая часть, совсем уж странная. Из-за этого я чуть не на полгода отложила публикацию романа. Как выяснилось, читатели впоследствии распались на две категории: те, кому нравится первая часть и радикально не нравится вторая, и наоборот. Тем не менее роман существует именно в таком вот виде, в виде двойчатки.

Почему порт — я заканчивала школу и институт в Одессе, но порт еще и во всех смыслах пограничная территория, и если что-то в этом роде и могло случиться, то, конечно, только тут. Что касается собственно Малой Глуши, то ее прототипом стало село Новгородское Житомирской области: более мистического, более дышащего историей места я, пожалуй, не знаю.

Что до мезоамериканской мифологии, которая тут используется в не меньшей степени, чем «мифы народов СССР», то тут сработал как раз элемент чуждости: некоторые ее сюжеты вполне узнаваемы (то же путешествие в загробный мир), но какие-то уж очень странные, с нашей точки зрения. Да, и последнее — почему «мальфар» через «а»? У меня есть теория, что «мальфар» происходит от искаженного «mal faire», то есть приносящий вред, колдун, ведьмак. Теория дурацкая, но почему нет...

Октябрь 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЭС-2. 1979

*Памяти Дмитрия Скафиди,
сэконда и суперкарго*

*

— Куда, зараза?

На нее надвинулось что-то большое, грохочущее, пахнущее железом и разогретой соляной. Розка отпрянула:

— Я это. — Опомнившись, она засемила за погрузчиком, вытягиваясь на цыпочках и заглядывая в кабину. — Мне нужно строение пять-пятнадцать «А». Вот...

Она на всякий случай еще раз заглянула в скомканную бумажку. Розка себе не доверяла, потому что вечно витала в облаках.

— Вниз, — сказал водитель, высунувшись из кабинки. — Складь видишь?

— Ага...

— Налево к пятому причалу и вниз. Там это... контейнеры видишь?

— Спасибо, — обрадовалась Розка.

— Так ты туда не ходи. Мористее забирай. Ясно?

Розка, окончательно запутавшись, пожала плечами. Она попыталась еще что-то спросить, но погрузчик взревел. Она опять отскочила. Водитель снова высунулся из кабинки.

— Чего? — переспросила Розка с надеждой.

— Ноги не переломай! — крикнул водитель. — Ишь ты, каблучки какие.

*

Розка из-под руки глянула в сторону моря, белого и сверкающего. Грузовоз у пятого причала казался вырезанным из черной бумаги. Над головой истерично вскрикнула чайка.

Вообще-то, чаек принято любить. Они отблескивают серебром и сталью в воздухе и пляшут на волне, как поплавки. Чайки романтичны.

Розка в чайках разочаровалась.

Как раз этим летом одну отдыхающую на надувном матрасе унесло волнами, и чайки до кости расклевали ей руки. Они пытались добраться до глаз, но та заслоняла глаза руками. У Розки в душе навсегда осело горькое чувство. Как будто ее обманули.

Бетонка внезапно кончилась; пришлось сойти на раскаленный гудрон, и острый каблук тут же увяз. Розка выдернула его и торопливо оглянулась — не смотрит ли кто. Крыши складов и ремонтных мастерских сухо отблескивали на солнце, море, казалось, шушало рыбьей чешуей.

Вдруг, внезапно, стало очень тихо. Иногда так бывает, в самом конце лета. Воздух делается прозрачен и пуст, каждый звук словно подвисает в нем, отдельный и очень отчетливый. Длится это всего лишь краткий миг, потом застывший мир трогается с места и в усиливающемся лязге и грохоте набирает скорость, скользит, катится с вершины огромного хрустального шара...

Тогда наступает осень.

Из трещин в асфальте торчали пучки сухой травы. Рельсы вдруг возникли у самых Розкиных ног и ушли сверкающей колеей вниз, к причалу. Розка вздохнула и двинулась следом, мимо стендов с плакатами по технике безопасности. На миг она остановилась, замороженно рассматривая стоящего под грузом нарисованного рабочего; тот ковырял в носу, и Розке показалось, что на ковыряющей руке шесть пальцев. Она поймала себя на том, что тянет время, еще раз вздохнула, поправила на плече ремень сумочки и пошла дальше.

Низенькое одноэтажное строение пять-пятнадцать «А» (номер выведен бурой краской на розовом боку) действительно притулилось за складом пять-пятнадцать. Пупырчатая штукатурка местами отвалилась, немытые окошки забраны решеткой-солнышком, у двери табличка «СЭС». Дверь закрыта. Звонка нет.

Розка подумала немного, примерилась и стукнула ладонью по нагретому дерматину. Звук получился как если бы от пощечины — осязательный, но короткий. Никто не отозвался. Розка потопталась на порожке, зацепилась каблуком за пыльный выгоревший половичок, отцепилась, еще раз оглянулась, не смотрит ли кто, и потянула дверь на себя.

Поморгала, привыкая к полумраку. На самом деле здесь было не так уж темно — под потолком горела лампочка в проволочном

каркасе, а в торце коридора солнце просачивалось сквозь розовую в горошек, выгоревшую занавеску.

В коридор выходило только две двери. Она заглянула в первую — там посреди комнаты стоял длинный стол и штативы с пробирками, как в школьном кабинете химии. Остро пахло реактивами. Тетка в белом халате, заляпанном желтым, что-то сосредоточенно мешала стеклянной палочкой.

— Вы к кому? — спросила тетка равнодушно.

— К Петрищенко. — Розка вновь покосилась на мятую бумажку. — Елене Сергеевне.

— Нет. — Тетка не отрывала взгляда от пробирки, жидкость в которой начала медленно розоветь. — Это вам в СЭС-два... Следующая дверь.

Следующая дверь тоже была обита дерматином. Над дверью прибита подкова. Веселые люди тут работают. Розка опять на всякий случай шлепнула по дерматину и, услышав приглушенное «открыто», шагнула внутрь. Комната скучная, крашенная бледной зеленью, самое уютное место боком к окну занимал стол, над которым висел календарь с пушистым котенком... Пробирок нет, и то хорошо. Молодая женщина в пергидрольных кудряшках обернулась и уставилась на Розку голубыми глазами — точь-в-точь как у котенка на календаре.

Розка вдохнула поглубже:

— Елена Сергеевна, здравствуйте, я вот тут... вам должны были позвонить... ну, от Льва Семеновича... тут...

— А! — сказала голубоглазая. — Елена Сергеевна там, солнышко. — Она пухлой белой рукой неопределенно махнула в сторону боковой стены — там была перегородка и тоже дверь. — Иди-иди, лапушка. — Руки женщины мелко зашевелились, и Розка сначала испугалась, потом поняла, что та что-то вяжет под столом, розовое и пушистое... — Только постучи сначала.

Розке почему-то стало отчетливо неприятно, хотя она никак не могла понять, в чем состоит ее, Розки, обида. Розка вообще обижалась очень легко, переживала молча, а потом жалела, что вовремя не подобрала гордый и остроумный ответ.

В крохотном кабинете за перегородкой, перерезавшей окно пополам, половину пространства занимал потертый письменный стол; под стеклом старая черно-белая фотография толстой девочки. Еще были сейф, крашенный бурой краской, и маленький

столик у окошка, на котором стояла пишущая машинка в чехле; два стула и фикус в кадке. Розке тут не понравилось.

Особенно ее раздражали календарь Морфлота с парусником, прорезающим бурное море, и бледный коралловый куст на столе, прижимающий бумаги. Эти предметы говорили ей, Розке, о том, что где-то есть замечательные места и смелые, яркие люди, но отсюда до них было так же далеко, как, скажем, от поликлиники Приморского района, где работала тетя Рая.

*

И Петрищенко ей не понравилась, хотя она была не пухлая и голубоглазая, а, напротив, высокая и костистая. И старая — лет под сорок. Серый костюм джерси, белая блузка.

— Да? — Петрищенко пошарила рукой по столу, надела очки, и глаза ее сразу стали маленькими.

— Это... — опять завела Розка. — Елена Сергеевна...

— Да, — устало повторила Петрищенко.

И ноги у нее наверняка большие, злородно подумала Розка...

— Я вот тут... от Льва Семеновича... Он вот тут... Потому что...

— А... — Петрищенко несколько оживилась. — По поводу трудоустройства?

— Ну... да.

Розка подавала на романо-германский. Все родственники хором говорили, что это безумие, туда без блата не сунешься, даже взятку без блата не возьмут, сказал Лев Семенович, но Розка опрометчиво верила в свои языковые способности...

На семейном совете решили, что Розке лучше поработать и подавать на вечерний, все-таки девочка, не мальчик, ничего страшного, но с работой по профилю возникли проблемы. Был призван Лев Семенович — мамин родственник, двоюродный брат что ли. Лев Семенович гарантировал, что Петрищенко даст направление, а с направлением она почти гарантированно поступит, а потом, может, так и осядет при пароходстве; там, сказал Лев Семенович, есть возможности для роста.

Кажется, и Розка Петрищенко не понравилась. Мама права, надо было надеть ту, ниже колен.

— Мы хотели мальчика, — сказала Петрищенко недовольно.

Розка молча пожала плечами. Ее мама тоже хотела мальчика. А получилась она, Розка. Что уж тут поделаешь.

— Хотя бы английский знаете?

— Трехгодичные курсы с отличием, — дважды соврала Розка. — При Доме офицеров, лучшие в городе, между прочим.

— Здесь судовые документы, — сухо заметила Петрищенко. — Грузы... накладные... терминология...

— Ну, я... освою.

— На машинке печатать умеете?

Машинка под чехлом — Розка успела разглядеть — была новенькая электрическая «Ятрань».

— Ага, — сказала Розка, заглядывая Петрищенко в глаза. Ничего не поймешь, стекла очков отблескивают.

— Сколько знаков в минуту?

— Чего? — удивилась Розка, бойко печатавшая двумя пальцами.

Та скорбно кивнула, словно подтверждая — иного она и не ожидала. Розка украдкой вытерла ладонь о юбку.

— Родственники за границей есть?

— Откуда?

Розка уже готова была сказать, что она — круглая сирота, и сама в это поверить.

— Поймите, девушка, — печально сказала Петрищенко, — у нас, в общем-то, режимная контора...

Лев Семенович насчет режима предупреждал. Режимных приятий, Розочка, говорил он, вообще гораздо больше, чем кажется, и СЭС в том числе, потому что — а вдруг холера? Или чума, не приведи господи, или еще что... а вообще любая работа, связанная с языком, режимная, а ты как думала?

— А эти... горничные, которые на границу? — спросила тогда Розка.

— Ты что, — сказал Лев Семенович, — маленькая? Какие они горничные?... Но здесь, деточка, — сказал Лев Семенович, — на что подписываешься, то и получаешь... Поработаешь несколько лет с бумагами, освоишь терминологию, а там подумаем, что с тобой делать... тебе же спешить некуда, да и режим тут... вегетарианский, можно сказать, хи-хи...

Из чего Розка заключила, что он тоже слушает радио «Голос Америки», там недавно передавали воспоминания Лидии Чуков-

ской об Анне Ахматовой. Люди способны удивлять, даже такие, как Лев Семенович.

Петрищенко опять вздохнула и встала из-за стола. Розка потянулась за ней, отметив, что из-под юбки-четырёхклинки у Петрищенко выглядывает кружевная комбинашка.

Голубоглазая по-прежнему сидела у окна, правда вязанье куда-то делось; впрочем, Розка увидела, что из ящика стола торчит розовая мохеровая нитка.

Пахло от голубоглазой, как в парфюмерном отделе универмага. Даже воздух стал липким.

— Вот, Катюша, — печально сказала Петрищенко, — секретаря прислали.

— Опять девочка? — Выщипанные бровки Катюши полезли вверх.

— От Льва Семеновича, — пояснила Петрищенко.

Катюша молча окинула Розку взглядом бледных выпуклых глаз.

И задвинула боком ящик стола так, что розовая пушистая ниточка совсем исчезла из виду.

Воцарилось молчание. Потом Петрищенко вздохнула и сказала:

— Бумаги при тебе?

— Ага, — жизнерадостно ответила Розка, — паспорт и аттестат.

Она втайне надеялась, что не подойдет. Она была глубоко разочарована.

— Ну, так неси в кадры. Трудовую оформишь, приходи.

— А долго оформлять?

— Недели две-три. Тебя как зовут, Роза, да? Это, Роза, серьезная работа. Так быстро дела не делаются.

Прав был Лев Семенович, уныло подумала Розка, везде, где язык нужен, проверяют...

— А в кадры — куда?

— Наверх, в парходстве. С башенкой такое здание, зелененькое. Еще якорь перед ним. Спросишь на вахте.

— Спасибо, — вежливо сказала Розка.

— И в следующий раз, пожалуйста, — сказала Петрищенко, и на шее ее появились красные пятна, — оденься поскромнее. Это же порт.

Новую жизнь надо начинать в новой одежде. Под это дело Розка выцыганила себе пальто джерси, ярко-зеленого цвета. Оказалось, оно чуть маловато и топорщится на талии, но Розка не позволяла такой мелочи испортить себе удовольствие от новой вещи.

У крыльца строения пять-пятнадцать «А» сидел на корточках парень в брезентовой робе и курил, заслонясь от ветра. Он поглядывал на Розку, помахал рукой, отгоняя дым, и подмигнул ей.

Розка пожала плечами и величественно прошла мимо, но опять зацепилась о половичок. Она оглянулась, но парень уже и не смотрел в ее сторону. Розка что-то пробормотала себе под нос от неловкости и боком забралась внутрь. Вкрутили еще одну лампочку в коридоре, в конторе на подоконнике отращивало деток чахлое каланхоэ, на календаре рыжий котенок сменился серым, Катюши не было, а в углу стоял тот самый столик с «Ятранью», из кабинета, и чехол был снят.

Дверь в кабинет была открыта, и Петрищенко, увидев Розку, кивнула.

— Вот и хорошо, — сказала она и стала выбираться из-за стола.

Для этого надо было отодвинуть стул к стене и обойти стол. Но Петрищенко не поленилась. Она вышла к Розке и похлопала ладонью по пишмашинке:

— Специально для тебя переставили.

Розке стало неловко. Она представила себе, как Петрищенко с Катюшей, кряхтя и задевая за косяк боками и задом, тащат столик из кабинета...

— Это теперь твое рабочее место.

— Ага, — уныло сказала Розка.

— Ну вот и приступай, — доброжелательно сказала Петрищенко. — Протоколы видишь? Их надо пронумеровать и подшить.

Она уткнула ноготь в облезлом розовом лаке в кипу бумажек рядом с машинкой:

— Чтобы последовательно были, по дате. А вот в эту книгу внести номер протокола, дату и судно. Тоннаж, порт приписки, все такое. Там уже есть, посмотришь. Если в протоколе на английском, переведешь. А то запустили все, сил нет.

— Ага, — опять согласилась Розка. — А печатать?

- Что печатать? — рассеянно переспросила Петрищенко.
- Откуда я знаю что.
- Пока не надо. — Петрищенко подумала и налила в каланхоэ воды из кружки.
- А переводить?
- Я же сказала. Если в протоколе на английском, тогда переводи. Только название судна сохраняй.

Розка вздохнула, подвинула стул и села. Ей стало совсем грустно. Если не надо печатать, зачем ей полстола заняли этой дурой? Тем более печатать она, как ни странно, любила. Если машинка была механическая, Розка с такой энергией лупила по клавишам, что они гудели и цеплялись друг за друга. А электрическая вообще класс, чуть дотронешься, и она уже работает. И при этом теплая и урчит, точно кошка.

Она придвинула кипу заполненных бланков. Лесогруз «Бирюса». Столько-то кубометров леса. Зерновоз «Тимур Фрунзе». Пшеница сортовая. Легковые автомобили «лада», экспортный вариант. Лиловый штамп «Санитарная инспекция № 2». Подпись и дата. Еще штамп. Еще подпись. Розка, чтобы не перепутать, нумеровала бумажки соответственно дате — карандашиком в верхнем правом углу — и подкладывала под зажим в папочку. Одну за другой.

— Корабли постоят, — бормотала сквозь зубы Розка, — и ложатся на курс... Но они возвращаются сквозь непогоду...

Машинистка приравнивается к рабочему, сказал Лев Семенович, в трудовой книжке так и будет написано «рабочий», для анкеты это хорошо. С такой анкетой, может, и проскочит... И скажи спасибо, Эммочка, что она у тебя не захотела на востоковедение. Дочка Майи Владимировны захотела на востоковедение, золотая медалистка, прекрасная анкета, придраться не к чему, так ей пришлось пять лет у станка оттрубить и попутно комсоргом — за рабочую путевку.

Красивая, насыщенная жизнь опять отодвинулась куда-то в неопределенную перспективу. Осталась кипа бумажек, на некоторых отчетливо виднелись бурые круги, — видно, чашку с чаем ставили.

— «Oil tanker» — «нефтеналивной танкер», — прикусив кончик языка, переводила Розка. Потом задумалась, занеся ручку над

пустой строкой, неохотно встала и заглянула в кабинет. — Елена Сергеевна, а «displacement» — это что такое? Порт приписки?

— То же, что и «tonnage», — сухо отозвалась Петрищенко, занятая какими-то своими унылыми делами. — Водоизмещение. «Порт приписки» — это «registration».

— Спасибо! — громко и вежливо сказала Розка и опять уселась на стул, поджав под себя ногу.

Crew — это команда, это я знаю, бормотала про себя Розка. Дисплейсмент это сволочное так похоже на порт приписки, это же надо... Ладно, тогда получается, порт приписки — Кувейт. Ну и фиг с ним.

Большей частью поперек штампа «Санитарная инспекция № 2» была приписка шариковой ручкой по-русски: «Посторонних объектов не обнаружено». И подпись. Только к кувейтскому подколота бумажка — «Заражение третьей степени объектом Д-8. Объект обнаружен и уничтожен. Команда отправлена на профилактический осмотр и восстановительные процедуры на МБМ». Наверняка какие-нибудь мухи, подумала Розка, личинки песчаных мух. Они откладывают свои яички в теле человека, и, скажем, палец, а то и вся рука постепенно превращаются в гниющую, шевелящуюся массу. От воображаемого зрелища ее передернуло.

Сзади хлопнула дверь. На Розку пахнуло сладким липким запахом; Катюша стянула плащик-болонью, повесила на рогатую вешалку. В комнате сразу стало душно.

— А, вот и наша Розочка, приступила наконец. — Катюша раскрыла сумку, усеянную капельками дождя, достала кулечек с карамельками. — Давно пора. На, угощайся. Держи, держи... кушай.

Розка карамельки не любила, но отказать постеснялась, потому просто зажала конфету в руке, надеясь как-нибудь незаметно положить в ящик стола. Или затолкать под «Ятрань». В карман джинсов, слишком тесно облепивших зад, конфету было не протолкнуть.

— Да ты ешь, — сказала Катюша, причесываясь перед зеркалом, — кушай. Она не ядовитая.

Розка развернула липкую бумажку и послушно положила конфету в рот. Карамель оказалась точно такая, как Розка и думала, — приторная и липкая.

— Вот и хорошо, — доброжелательно сказала Катюша, глядя из зеркала на Розку голубыми бледными глазами. — Вот и ладненько.

И когда это дождь успел пойти, а я не заметила? Розка выглянула в окно. Море запестрело рябью, мокрые чайки, нахохлившись, бродили по причалу. Петрищенко появилась из своего кабинета, полезла в хлипкий конторский шкаф и извлекла оттуда электрочайник, спрятанный за стопкой папок.

Розке вдруг остро захотелось спать.

Мимо, обдав липким карамельным запахом, прошла Катюша. Розка слышала, как она шуршит бумажкой, потом звук выдвигаемого ящика.

— Пересядь, — сказала Петрищенко.

— Чего? — пробормотала Розка, встряхнувшись.

Она, оказывается, сидела, бессмысленно уставившись в одну точку.

— Так, чтобы окно было слева, — пояснила Петрищенко. — Положено так. По охране труда.

Катюша продолжала чем-то шуршать. Накатывали волны душевного запаха.

— Ага, — сказала Розка.

Петрищенко воткнула чайник в розетку и поставила на подоконник большую шербающую чашку с красным цветком на боку.

Розка передвинула стул. Катюшу теперь совсем не было видно, а рябое море теперь дышало в левую щеку. Почему-то сразу стало легче.

— Эмбээм что такое, Елена Сергеевна?

— Межрейсовая база моряков, — рассеянно пояснила Петрищенко.

— Это которая на Шевченко?

— Да. Которая на Шевченко.

— А объект Дэ-восемь — это что?

— Узнаешь еще, — сухо сказала Петрищенко. — Ты переписываешь? Вот и переписывай.

— Уже, — гордо сказала Розка.

Розка надеялась, что Петрищенко ее хотя бы как-нибудь одобрит, похвалит, — все-таки первый рабочий день... Но Петрищенко только сказала:

— Ну и почерк!

Розка прочла в старой книге «Хиромантия и графология», что по почерку можно определить характер человека. Поэтому она старалась, чтобы хвостики у «д» и «р» резко и остро уходили вниз; в надежде на то, что характер как-нибудь сам собой станет твердым и решительным. Петрищенко тем временем быстро пролистала бумажки, захлопнула папку и вернула ее Розке:

— Отнеси в контору, там спросишь, где первый отдел, отдашь секретарю под расписку. По дороге ни с кем не болтай и папку никому в руки не давай. Ясно?

— Первый отдел — это который?

— Первый — это первый. Потому что второго нет. И скажи секретарю, пусть скажет Лещинскому, бланки кончились.

— Ладно. Контора — это наверху, где якорь?

— Ну да, ну да... якорь... и можешь не возвращаться сегодня. Льву Семеновичу привет передавай. Он тебе кто?

— Дядя. Двоюродный.

— Вот и передай привет дяде. Скажи, Ледка привет передает. Ну, Ледка-Енка, — пояснила она, встретив недоумевающий взгляд Розки.

Только теперь Розка сообразила, что Елена Сергеевна Петрищенко имеет в виду себя.

*

Лев Семенович тоскливо покосился на беленький телефон, стоявший на полированном журнальном столике. Пять минут, буквально пять минут, и позвоню. Новости вот только досмотрю. Нужно же знать, что в мире делается. Или, может, сначала поужиная, а потом позвоню. Да, наверное, вот так.

Зазвонил телефон.

Лев Семенович вздрогнул и зачем-то поднес руку к губам.

— Лева, звонят, — сказала жена из кухни.

— Меня нет, солнышко! — крикнул Лев Семенович и опять покосился на телефон — вдруг услышит? — Возьми, скажи, меня нет.

— А где ты?

— Ну, мало ли? За хлебом вышел. Или нет. Уехал. Или нет...

Звонил телефон. Звонил, звонил, звонил.

Жена, шаркая шлепанцами, подошла к столику и взяла трубку. Лев Семенович настороженно наблюдал за ней, слегка втянув голову в плечи и не замечая этого.

— Да? — Голос ее чуть изменился, стал кокетливым и звонким. — Да. Лева? Дома. Сейчас, сейчас он подойдет.

И кивнула Льву Семеновичу, протягивая ему трубку.

— Кто? — шепотом спросил Лев Семенович.

Трубка глядела на него черным оком змеи.

— Герега, — шепотом пояснила жена.

Лев Семенович затряс головой и выставил перед собой ладонь, изображая нежелание и даже отвращение, но трубка по-прежнему смотрела ему между глаз, и он, кинув в сторону жены укоризненный взгляд, вытянул руку, взял нагретый пластик и прижал к лицу.

Сглотнул и сказал:

— Да?

— Левушка, — раздался в трубке дружелюбный голос, — ты еще дома? Я же тебе сказал — жду! Давай одевайся, одна нога здесь, другая там. То есть наоборот. — В трубке хохотнули.

— Я не могу, — сказал Лев Семенович, чувствуя острое отвращение к себе и к окружающему миру. — У меня что-то с желудком.

— Через не могу, — дружелюбно посоветовал голос. — Лови тачку, и чтобы через двадцать минут был у меня. Нет, лучше прямо к Пушкину подъезжай. Ясно?

— Ясно, — проблеял Лев Семенович.

Он хотел еще что-то сказать, но в трубке уже пищали короткие гудки. Он вздохнул, разжал липкую и холодную ладонь и уронил трубку на рычаг.

— Римма, я же просил!

— Он твой научный руководитель, — скучным голосом ответила она, пожимая плечами и отворачиваясь.

Она права, подумал Лев Семенович, а я тряпка. Ничтожество. А он мой научный руководитель. У него безобидные слабости. Такое чувство юмора. Я могу отказаться, отказаться. Подойти к нему и твердо сказать: «Извините, я никуда не пойду». Ведь я уважаемый человек, можно даже сказать, хороший человек, ведь должно же хватить у меня твердости.

— Лева, не дури, — сказала жена, глядя в черное окно. — Тебе ясно сказали — будет диссертация, возьмут в министерство.

Там степень нужна. У него связи. Защита пройдет как по маслу. Ты хочешь, чтобы тебе накидали черных шаров?

Она с удовольствием повторила это Герегино «как по маслу» и «черных шаров», что должно было означать, что в таком деле, как диссертация, уж кто-кто, а она прекрасно разбирается. «Кандидатская» она тоже выговаривала с удовольствием.

Гордится...

Тебе даже делать ничего не придется, мы распатроним твою тему по главам и раздадим студиям. Им все равно курсовые делать. А потом соберем, останется только автореферат написать. Брось, Лева, ножкой сучить, все так делают.

Когда он говорит, все кажется таким убедительным, таким... нормальным. Все так делают. Нет, тут как раз не придерешься, я не обязан делать все сам от и до, это нормальная практика, я же занятой человек, как бы я все это сам писал, она, дура, думает, что я поздно домой прихожу, потому что остаюсь на работе данные обсчитывать...

Может, ну ее, эту диссертацию, к богу, не нужна мне эта Москва. Нет, наоборот, я уеду от него в Москву, и все будет хорошо, нет, он же все равно однажды вот так позвонит и...

— Лева, одевайся, — твердо сказала жена. — Что стоишь с раскрытым ртом!

— Да-да, — торопливо ответил Лев Семенович и стал втискивать ноги в осенние чешские ботинки.

Каждый фонарь, казалось, был замкнут еще в один мутный шар, внутри которого сновала мелкая морось; Лев Семенович, подпрыгивая, махал поднятой рукой, машины пролетали, лаково блестя по мокрой брусчатке, и каждая швыряла ему в лицо пучок ослепительного света, столько света вокруг, откуда, зачем?

Город был полон света и воды, как тонущий корабль. Все едут домой, подумал он с тоской, или сидят по домам, все нормальные люди сидят по домам...

Наконец ему удалось поймать «жигуленок».

Тоска и острое одиночество сжали горло, и он даже перевести дух не успел, а они уже подъезжали к памятнику, и зеленоватая курчавая голова с бакенбардами высилась над столбом, блестя в дождевом ореоле. Почему никто не замечает, как это нелепо, когда голова на столбе?

Гергега стоял под освещенным портиком горсовета, плотная фигура в черном плаще с поднятым воротником на фоне бестелесных колонн. Конечно, ему же близко, он же здесь живет, в старом центре, на Ласточкина. И почему он всегда носит темные очки? Что такое у него в глазах, что он не хочет, чтобы это видели другие?

Вспыхнул и погас столб водяной пыли, и человек в плаще скатился по ступенькам, как могут передвигаться полные, но подвижные и жизнерадостные люди. Он был точно шарик ртути, подвижный, юркий и неуязвимый. Дождевик-болонья оказался не черным, а серым...

Лев Семенович сунул шоферу деньги и неуклюже выбрался из машины. Дождь еще раз вспыхнул тысячей искр и погас окончательно.

— Лева, — укоризненно сказал Гергега, всплеснув пухлыми ручками, — ну сколько же можно! Тут же мокро.

— Я не... — Лев Семенович огляделся. На площади было совершенно пусто, если не считать милицейского поста перед горсоветом, но что толку? Это же смешно. Гергега доктор наук, профессор...

— Пойдем, пойдем. — Гергега короткими пальцами теребил его за рукав.

— Куда? — Лев Семенович попробовал замедлить шаг.

— Работать, разумеется. — Брови над темными очками поползли вверх. — Ты же план диссертации захватил?

— Захватил. — Лев Семенович потрогал зачем-то пузатый портфель, где лежала бутылка армянского коньяку.

Он почувствовал некоторое облегчение. Никаких приключений, как в тот раз. И этой ужасной сауны тоже не предвидится. Они просто пойдут к Гергеге домой, откроют коньяк и будут делать вид, что обсуждают план диссертации. Высокая красивая жена Гергеги внесет на блюдечке нарезанный лимон с горкой сахарной пудры или, может быть, маленькие бутерброды с красной икрой — Гергега умел жить хорошо, с размахом, и жадным не был, что да, то да... Лев Семенович даже на миг почувствовал во рту вкус красной икры. Потрясающе красивая женщина, и как сумел такую отхватить? Говорят, влюбился без памяти, преследовал вечером до самого дома, прячась в кустарнике у обочины тротуа-

ра, а она его в упор не видела, и нарочно прижималась к кавалерам, и насмеялась над ним. А потом вдруг раз — и он уже ведет ее в загс. Что-то, говорили, он узнал такое, про нее или про ее отца, большую шишку...

Но Герге свернул не на Ласточкина, не в темную арку, где тускло светила одинокая лампочка в проволочной сетке, а к лестнице, ведущей в порт. Лестница была черная и мокрая, к ступенькам липли бледные кленовые листья.

— Но работать... — Лев Семенович даже попытался придержать его, ухватив за рукав.

— Потом, потом, — отмахнулся пухлой рукой Герге, — еще дело есть!

— Но мне надо завтра пораньше... у меня работа... пятиминутка...

— На работу, — наставительно произнес Герге, — надо приходить вовремя. То есть тогда, когда тебе хочется. Ты начальник или где?

— Начальник, — согласился Лев Семенович. — Но ведь, Толя, пойми, надо мной есть тоже начальник...

— Поставить ты себя не можешь, вот что я тебе скажу.

Да если бы я мог себя поставить, чуть не сказал Лев Семенович, разве болтался бы я тут с тобой?

Мимо шел морячок под руку с девушкой. Девушка семеняла в обтягивающей юбке. Морячок держал над ней зонтик и, склонившись, говорил ей что-то на ухо, и она громко, заливисто смеялась, откидывая голову назад. Смех показался Льву Семеновичу фальшивым.

Шлюха, подумал он...

Ему захотелось подойти и ударить девушку, чтобы она перестала смеяться, и он поплотнее сунул руки в карманы.

— Пойдем, Лева. — Герге коротко потер ручки. — Пойдем. Поскорее. А потом — работать.

— Куда пойдем? — Лев Семенович попытался чуть приторозить.

— Вон, видишь? — Герге кивнул круглой береткой в сторону порта, где сиял огнями белый теплоход.

Другие огни плясали под ним в темной воде — праздник, отдых, дальнейшее путешествие в страны, где нет Герге. Льву Семеновичу

вичу даже показалось, что оттуда, с теплохода, мокрый ветер донес нежную танцевальную музыку.

— Зачем в порт? — робко спросил он.

— А затем, мой дорогой, что на морвокзале есть такой бар, на третьем этаже, а в баре такой бармен Рома, он делает потрясающие совершенно шейки, ну, коктейли, с яичным желтком, никто больше таких не делает. Так что мы с тобой посидим, кофе возьмем, по коктейлю выпьем....

Обошлось. Бар — это еще туда-сюда. Но на всякий случай он выразил робкое недовольство:

— Но ведь... диссертация...

— Там и обсудим. Пойдем-пойдем!

И потащил Льва Семеновича за рукав к сверкающему, прозрачному зданию морвокзала. Но когда тот уже направился было к эскалатору, округло хохотнув, вновь потянул его за руку:

— Погоди, Левушка! Еще буквально полчаса... И — в бар!

Белый теплоход у причала сиял круглыми иллюминаторами и палубными витринами так близко, что уже не только музыка слышалась, но и скрип канатов, тершихся о чугунные причальные бухты.

— Зачем мы здесь? — с тоской произнес Лев Семенович. Нет, не обошлось...

— Надо, — значительно ответил Герега. — Левушка, у тебя удостоверение с собой?

— Какое?

— Служебное, разумеется! Давай, давай, давай его сюда! — Он подпрыгивал от нетерпения, но тут же стал очень значительным, как-то выше ростом и квадратнее, и, неторопливо взяв Льва Семеновича под руку, подошел к трапу, величественно кивнув вахтенному.

— Вы куда? — Вахтенный попробовал заступить им дорогу.

— Санитарная инспекция, — веско сказал Герега, держа руку Льва Семеновича развернутым удостоверением вперед. — Позови, дружок, кого-нибудь из командного состава... Нету? На берегу? Непорядок, беспорядок... тогда сам проводи... Не можешь пост оставить, да? Ну, ничего, мы сами.

И он величественно проследовал внутрь.

Лев Семенович поплелся за ним.

— Мама, ты спишь?

Старуха приоткрыла один глаз и посмотрела на Елену Сергеевну. Черный рот был приоткрыт. Поэтому она сначала закрыла его, потом вновь открыла:

— Нет.

— Как ты себя чувствуешь?

— На горшок хочу, — сказала мама.

Елена Сергеевна наклонилась и выдвинула из-под кровати судно, положила его под бок старухи:

— Приподнимись, мама... ну давай же, не ленись.

Не вину себя, подумала Петрищенко, это же естественно, то есть животные всегда грызуются на больных и слабых, это природный инстинкт, я не должна себя за это упрекать, в диких племенах стариков вообще бросают или заедают насмерть... Но я, как мыслящий человек, контролирую себя.

Старухе на мгновение удалось выгнуться тощими бедрами, и Петрищенко ловко подставила судно под ягодицы. Почему мама? Почему не папа? С ним бы она не так раздражалась. Но женщины живучие. Папа ее любил, свою девочку, а вот мама стеснялась. Тогда в Ялте... До сих пор ведь помню. Сколько мне тогда было: пять? шесть? Красивый ребенок — подтверждение полноценности женщины. Есть чем похвастаться перед подругами.

Рот ее сам собой сжался в тонкую ниточку.

— Я покакала, — сказала мама игривым голосом маленькой девочки.

— Очень хорошо, — устало отозвалась Елена Сергеевна и достала из пакета свежую марлевою пеленку. — Приподнимись на минутку. Сейчас я тебя поверну на бок.

— А где китаец? — забеспокоилась мама. — Ушел китаец?

— Какой китаец?

— Твой муж новый. При нем неловко...

— Нет, мама, никакого китайца.

— А куда же он делся?

Окружающая действительность у мамы сжалась до узкого светового конуса: выцветшие обои, коврик, уголок книжной полки... Рожденные сумеречным мозгом образы были гораздо ярче и полнокровнее.

— Ушел, — сухо сказала Петрищенко.

— Я так и знала! И этот ушел! — Мама торжествовала. — Даже китаец и тот!

Петрищенко плотнее сжала губы.

— Ты ни одного мужчину не умеешь удержать. И в кого ты такая? Меня в молодости на руках носили. Помнишь, ну ту фотографию, Ялта, ну?

— Очень хорошо помню, — сказала Петрищенко.

Она протерла старухе ягодицы, выбросила скомканную бумажку в судно, перекатила маму на бок и одернула на ней ночную рубашку. Потом, осторожно ступая, вышла, неся судно перед собой, вылила содержимое в унитаз, вымыла руки, прошла в кухню, достала из кошелки две банки сгущенки, пакет гречки, плоскую баночку шпрот и высокую — с горбушей.

В этот раз заказ был беднее, чем в прошлый. Интересно, к празднику какой будет?

В раковине валялась грязная кастрюля. Петрищенко пустила воду и подвинула кастрюлю под струю. Села, подперла рукой щеку и стала смотреть, как вода, ударяя в эмалированное дно, разбивается мелким гейзером.

— Мама, ты чего?

Петрищенко вздрогнула.

— Сидишь в темноте.

— Задумалась, — виновато сказала Петрищенко, спохватываясь, что до сих пор не переделась в домашнее. Даже туфли не сняла. Туфли лаковые, черные, тяжелые. Ноги у нее в последнее время к вечеру опухают, вот что.

— Ты меня напугала. Включаю свет и вижу...

— Ну, я нечаянно... Ты почему посуду не помыла, Лялька?

— Времени не было, — надменно сказала дочь. — У нас языковая практика. Как бабушка?

— Бабушка покакала. И имей в виду, я вышла замуж за китайца.

— Как? — неприятно удивилась дочь. — Когда?

— Да никак. Бабушке так показалось.

— Все шутишь?

— Я заказ принесла, — виновато сказала Петрищенко, поскольку Лялька уже начала раздражаться. Она всегда раздражалась, даже когда ничего не происходило.

— Я худею, — сухо сказала дочка.

— И правда, не помешает, — согласилась Петрищенко.

Лялька мрачно посмотрела на нее и вышла из кухни, хлопнув дверью.

Господи, уныло думала Петрищенко, до чего ж нехороша. Вся в меня. Да еще характер этот ужасный. Ну как можно с такой внешностью иметь еще и такой ужасный характер? Неудивительно, что этот Вова больше не звонит... Ох, да что же это я, хуже мамы, честное слово!

Она выглянула из кухни. Дочка стояла перед молчащим телефоном.

— Лялька, — сказала Петрищенко неестественно веселым голосом, — а давай... устроим тоже праздник, что ли? Напечем пирожков, откроем шпроты. Или ту банку икры, которую мы к празднику зажухали? Позовем кого-нибудь.

Дочка, обернувшись, неподвижно смотрела перед собой.

— Кого позовем, мама? — сказала она высоким тонким голосом. — Кого позовем?

*

Знаменитый коктейль с сырым желтком проскользнул внутрь, не оставив следа, а черный кофе был безвкусным, как картон. Лев Семенович возвращался пешком просто потому, что ему надо было пройтись... привести в порядок мысли... вообще отдышаться. Он брел по лужам, неподвижно глядя перед собой и шевеля губами. Как Герега, вальяжно переваливаясь, потребовал у кока провести их на камбуз, чтобы посмотреть, насколько соблюдаются правила гигиены и санитарии! Как прошли они в столовую сначала для комсостава, потом для пассажиров и как Герега придирчиво разглядывал белейшие льняные скатерти и накрахмаленные салфетки! Как в буфете, отослав под каким-то предлогом сопровождающего, смел в свой обширный портфель из-за барной стойки несколько бутылок коньяку и банки красной икры, при этом лицо его, закрытое черными очками, оставалось деловито-непроницаемо...

Боже мой, если кто узнает!

Успокойся, сказал он сам себе, «Аджария» завтра с утра уходит, на ней делегация от профсоюзов и артисты, там все по пер-

вому разряду, а когда бармен недосчитается коньяку, он не станет поднимать шум, потому что первым делом, естественно, подумают на него же, коньяк вообще имеет свойство испаряться, ну добавит низкосортным, после очередной рюмки никто уже и не замечает вкуса вышивки... ничего, ничего страшного, бармены ведь всегда крадут, зачем иначе бы они ходили на внутренних-то линиях.

Лев Семенович с тоской смотрел в темноту. Море за парком, за черными деревьями его почти не различишь, но ощущаешь, как оно дышит, ворочается там, в ночи, все эти воздушные массы, холодные рваные облака, вытягивающиеся вдоль воздушных течений, рассыпчатые нитки перелетных птиц, как они только не боятся вот так, над черной водой! Наверное, все-таки есть утиный бог, который отвечает за то, чтобы их перелеты проходили без особых потерь. А есть еще и совсем маленькие птицы, крохотные, ныряющие в воздухе комки, сердце, одетое взерошенными перьями. Даже бабочки, и все они летят над морем, и страхи их просты и достойны — не намочить крылья, не ослабнуть, не упасть, долететь...

Бог маленьких животных, перепуганных слабых существ, быть может, он обратит свое благосклонное внимание и на него, на Льва Семеновича, который в мировом мокром масштабе тоже маленький и слабый. Он почему-то вспомнил, как был ребенком, и болел ангиной, и неизвестно почему встал ночью с кровати и подошел к окну, и в фонаре падал снег, и снег этот падал с огромного неба на огромную землю, до самого горизонта все белое и пустое, до самого дальнего северного моря, до льдов Северного полюса, и он, Лева, стоит в самом центре этого хрустального шара, а мир вокруг сжимается, пульсирует, точно огромное сердце, и давит, давит со всех сторон...

На миг собственные его проблемы показались ему незначительными. Ничего, думал Лев Семенович, ничего, я позволю завтра Ледке, вот так — возьму и позволю, это, в конце концов, не смертельно и вообще ничего особенного, сильные думают, что судьба на их стороне, но на самом деле есть особый бог, он покровительствует слабым, потому что слабые — основа жизни, ее сила.

Он вздрогнул, вспомнив, как Гергега смотрел на него — смотрел черными стеклами очков, которые он не снял даже в полутемном баре.

СОДЕРЖАНИЕ

Малая Глуша. <i>Роман</i>	9
Часть первая. СЭС-2. 1979	13
Часть вторая. Малая Глуша. 1987	231
Медведки. <i>Роман</i>	363
Ираификация, или Удивительные приключения Гиви и Шендеровича. <i>Роман</i>	593
Покрывало для Аваддона. <i>Повесть</i>	961
Прощай, мой ангел. <i>Повесть</i>	1039

Галина М.

Г 15 Все имена птиц : Хроники неизвестных времен : романы, повести / Мария Галина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 1136 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-15499-5

«Поэт, литератор и большая умница Мария Галина творит странные истории на стыке излюбленного отечественной интеллигенцией жанра философской фантастики и женского извода магического реализма а-ля Людмила Петрушевская», — писал журнал «Эксперт». А Галина Юзефович уточняла в «Итогах»: «Все ее книжки — об изнанке зримого мира и о тех едва заметных трещинках, через которые иррациональное просачивается в привычную повседневность». Итак, вашему вниманию предлагается сборник лучшей крупной прозы современного мастера, включая собравшие обильный урожай премий и номинаций романы «Малая Глуша» и «Медведки». Здесь потустороннее и бытовое переплелись так тесно, что не расцепишь, а все по-настоящему страшное может быть связано не с мистикой, а с самыми повседневными реалиями; здесь на волю вырываются существа, заставляющие людей мчаться в пустоту, а за магию платят любовью; здесь люди, пытаясь убежать в миф, ненароком будят подземные бури.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

МАРИЯ ГАЛИНА
ВСЕ ИМЕНА ПТИЦ
ХРОНИКИ
НЕИЗВЕСТНЫХ ВРЕМЕН

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова,
Ирина Киселева, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.11.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 71. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ARL-23877-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/